

Языковая политика в Италии

Гусева Людмила Константиновна

*Студентка Московского государственного университета имени М.В.Ломоносова,
Москва, Россия*

Европейский Союз объединяет 27 государств, официальными в нем признаны 23 языка. Каждое государство, вступая в Евросоюз, предлагает один язык, который будет считаться официальным. По Римскому договору 1957 года все национальные языки стран - участниц должны рассматриваться в качестве равноправных официальных языков. В качестве официальной языковой политики Евросоюза декларируется сохранение и развитие языков, включая малые. В отношении национальных меньшинств гарантируется уважительное отношение к языкам, обычаям и традициям всех национальностей и этнических групп и создание условий, необходимых для их развития.

Вопрос о языке в Италии также как и во многих других современных государствах весьма актуален. В нашем случае ситуация осложняется тем, что Италия исторически не имела единого культурного и политического центра, каким, например, является Париж во Франции.

На протяжении веков термин Италия являлся исключительно географическим и служил для обозначения территории Аппенинского полуострова, на которой находились независимые государственные образования. Естественным являлось и языковое разнообразие на территории будущего Итальянского государства [Mack Smith:4].

Национальное единство страна приобрела в 1861 году в результате движения за объединение Италии (Risorgimento). В начальный период после образования Итальянского государства встала проблема формирования единого национального языка. Решение данной проблемы усложнялось классовым и культурным расслоением итальянского общества. Социологические исследования, проведенные в 1861 году, выявили 75 % безграмотного населения на территории Итальянского государства. На другом полюсе находился тончайший элитарный слой населения, который являлся носителем высокой итальянской культуры.

В последующие десятилетия итальянское правительство проводило реформы направленные на снижение коэффициента безграмотности и формирование государственной образовательной системы. Встал также вопрос о формировании единого государственного языка. Данная проблема вызвала острую полемику среди литературных и общественных деятелей Италии. Так, например, Алессандро Мандзони был одним из первых ученых, кто занялся решением вопроса о языке на единой социальной и политической территории. По мнению Мандзони, корни итальянского языка находились исключительно во Флоренции, в городе, официальным языком которого является диалект, понимаемый всем городским населением. Alessandro Manzoni в трактате "Dell'unita della lingua e dei mezzi di diffonderla" писал о соотношении языка и диалектов. Он говорил о существовании диалектов и региональных говоров в оппозиции по отношению к национальному языку. По его мнению, местные говоры и наречия имеют право на существование и выполняют те же функции, что и единый национальный язык [Manzoni: 465].

После объединения Итальянского государства и присоединения новых территорий итальянское правительство предпринимало попытки интеграции итальянского общества в единую языковую и культурную систему. Данный процесс культурной ассимиляции в первую очередь касался регионов, ранее не входивших в состав итальянского государства. Итальянский язык не являлся родным языком для населения этих регионов. Таким образом, наметилась тенденция к замене провинциального самосознания и связанного с ним диалекта на общеитальянские. Данный процесс получил название итальянизации. Этот термин используется как для описания добровольного или насильственного перехода на итальянский язык и усвоения итальянской культуры, так и для обозначения процесса

замены иностранных лексических заимствований на соответствующие неологизмы в итальянском языке [De Mauro: 107].

В ходе итальянизации принимались меры по искоренению иностранного влияния на итальянский язык. Эти лингвистические меры имели законодательный характер. В первую очередь в системе школьного образования отменялось преподавание миноритарных языков. Так же проводилась замена иностранных географических названий и имен собственных на итальянские аналоги. Издательские дома и органы печати были вынуждены отказаться от иностранной терминологии и перейти на использование соответствующих итальянских слов и выражений. Необходимо принимать во внимание всю сложность проведения подобной политики в стране, где кроме государственного языка существуют диалекты, имеющие собственную литературную и письменную традицию.

Развитию национальных языков, языкового суверенитета, языковых прав человека, регулированию отношений между группами языкового большинства и меньшинства в настоящее время уделяется все больше внимания, что находит отражение и в законодательстве. Языковое законодательство определяет статус и сферы использования языка.

На всей территории Итальянского государства представлены языковые меньшинства, которые являются «этническим и языковым продолжением сопредельных с Италией стран [Чельшева:161]».

Согласно Статье 6 Конституции Италии «с помощью соответствующих мер Республика охраняет языковые меньшинства». Государственным законом № 482 от 1999 года Итальянский Парламент признал 12 языковых меньшинств расположенных на территории Итальянской Республики, в их состав вошли следующие языки: фриуланский, ладинский, немецкий, словенский, окситанский, французский, франкопровансальский, албанский, греческий, сардинский, каталанский и хорватский.

Данный закон разрешает официальное использование вышеперечисленных языков в государственных учреждениях, их преподавание в учебных заведениях, трансляцию теле и радиопередач на государственных каналах сети RAI.

Глава 99 Устава региона Трентино гласит: «В регионе Трентино немецкий язык приравнивается к итальянскому, который является официальным языком Итальянской Республики».

В соответствии с главой 38 Устава Автономного государства Valle d'Aosta французский язык в этом регионе также приравнивается к итальянскому языку.

Конституция Итальянской республики декларирует равноправие граждан независимо от их языковой и этнической принадлежности, гарантирует защиту языковых меньшинств с помощью соответствующих норм. В настоящее время Сенат рассматривает законопроект, который признает итальянский язык официальным с обеспечением его гарантий в Конституции и конституционных законах.

Литература

- Чельшева И.И.* Современное лингвистическое законодательство Италии // Решение национальных языковых вопросов в современном мире. М, 2003.
De Mauro T. Storia linguistica dell'Italia unita. Laterza, 1991.
Mack Smith D. Storia d'Italia dal 1861 al 1997. Laterza, 2005.
Manzoni A. Scritti linguistici. Milano, 1972.

Особенности произношения [r] во французском языке Швейцарии

Ладыгина Екатерина Васильевна

Аспирантка филологического факультета Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова, Москва, Россия

Особенности консонантизма в швейцарском варианте французского языка весьма немногочисленны по сравнению с особенностями системы вокализма. Среди них выделяется явление полного или частичного оглушения [r]. Из шести франкоговорящих кантонов Швейцарии (Женева, Во, Фрибург, Невшатель, Вале, Юра) оно встречается в основном в кантонах Юра и Невшатель и полностью отсутствует в кантонах Женева и Во.

Данное явление имеет иной характер, чем оглушение [r], встречающееся во французском языке Франции, где оно связано с сокращением длительности данного звука и с ослаблением артикуляции. Во французском же языке Швейцарии часто наблюдается интенсивная артикуляция заднеязычного оглушённого [r], которое приближается к произношению немецкого [h] (ach-laut - заднеязычный, задненёбный, глухой согласный звук, напоминающий русский [x]). Данное явление объясняется лингвистами (М. Шох, П. Кнехт) влиянием немецкого языка. При подобном оглушении, например, французское слово *bar* (бар) сильно напоминает по своему звучанию немецкое слово *Bach* (ручей).

Следует отметить, что звук [h] не является полностью чуждым франкоговорящим швейцарцам из-за сильного постоянного контакта с немецким языком, на котором говорят примерно 64% населения Швейцарии и который также является обязательным языком в большинстве школ. Тем не менее, не всегда ясно, почему данное явление не так часто встречается в двуязычных кантонах Вале и Фрибург. В настоящий момент нет подробных исследований случаев подобного оглушения [r] во французском языке Швейцарии, данное явление лишь кратко упоминается при общем описании фонетических особенностей французского Швейцарии в статьях некоторых лингвистов (П. Кнехт, А. Вальтер). П. Кнехт указывает, что наличие данной особенности произношения связано с социальным положением носителей языка, также лингвист отмечает данную особенность лишь для кантона Невшатель.

В качестве другой причины данного явления, помимо влияния немецкого языка, выдвигалась гипотеза о влиянии местных говоров (особенно в кантоне Юра), но в настоящий момент она пока ещё недостаточно разработана.

Явление подобного оглушения [r] было рассмотрено нами на материале записей носителей языка франкоговорящих кантонов Швейцарии, сделанных в 2008-2010 годах. К анализу записей были также привлечены носители французского языка из Франции (Париж).

Среди записанных представителей кантона Вале данное явление не наблюдается. Из-за горного расположения кантона коммуникация между его франкоязычными и немецкоязычными жителями менее интенсивная, чем в двуязычном кантоне Фрибург, в котором данное явление встретилось несколько раз у 2 из 7 человек.

Что касается кантона Юра, то произношение оглушённого [r], приближающегося к немецкому [h], было отмечено у всех записанных информантов этого кантона разного пола, возраста и социального положения. Интересно то, что в одной и той же фразе один и тот же информант может произносить как слабо оглушенное, так и интенсивно артикулируемое [r], ставшее почти [h], как внутри слов, так и в конце ритмических групп.

В том, что касается записей носителей языка из кантона Невшатель, то результаты неоднозначны. Некоторые информанты из города Ла-шо-де-фон, например школьница (13лет), произносят оглушённые [r], приближающиеся к [h], в большей части слов (варьируется лишь интенсивность произношения) как при чтении текста и слов, так и в спонтанной речи, особенно это заметно в словах, стоящих в конце ритмических групп. Другие, как её старший брат, немного менее акцентировано произносят оглушённые [r] (но их произношение [r] является также сильно маркированным) или, как их отец, гораздо реже произносят оглушённые [r], в основном только в спонтанной речи. Среди

записанных информантов из других частей кантона Невшатель явление оглушения [r] встречается примерно с разной интенсивностью у половины, как правило, у людей без высшего образования.

Особое произношение [r] на территории франкоязычной Швейцарии заслуживает дальнейшего исследования. Уже при общем обзоре видно, что данная особенность неодинаково представлена в разных кантонах, ярче всего она прослеживается у жителей кантона Юра, где она встречается у людей разного социального положения. Наличие этой особенности в других кантонах может быть связано с уровнем образования носителей языка. Лучше всего это произношение [r] прослеживается в спонтанной речи в словах, стоящих в конце ритмических групп.

Литература:

Knecht P. Le français en Suisse romande, aspects linguistiques et sociolinguistiques // Le français hors de France. Paris, 1979. P. 249-258.

Schoch M. Résultats d'une enquête phonologique en Suisse romande // Bulletin de la Section de linguistique de la Faculté des lettres de Lausanne. 1980. №2. P. 1-38.

Walter H. Enquête phonologique et variétés régionales du français. Paris, 1982.

**Прагмасемантические особенности речевых актов приветствия
в итальянском языке**

Самусева Юлия Сергеевна

*Аспирантка Минского государственного лингвистического университета, Минск,
Белоруссия*

Речевые акты приветствия традиционно относятся к области этикета и определяются как национально-специфические высказывания, отличающиеся высокой степенью ритуализованности и клишированности. Мы рассматриваем речевые акты приветствия в русле теории фатической коммуникации, то есть как высказывания, реализующиеся на инициальной стадии коммуникативной ситуации и служащие достижению глобальной цели фатического общения – установлению психологического контакта.

Материалом нашего исследования послужили фрагменты диалогического дискурса, записанные в ходе спонтанной речи в различных ситуациях общения, а также в результате анкетирования и устного опроса носителей итальянского языка. Анализ материала позволил выявить четыре основных модели установления контакта: а) приветствие-клише + вопрос о делах; б) приветствие-клише; в) приветствие-клише + обращение; г) приветствие-клише + вопрос с референцией к непосредственной ситуации общения.

а) Модель 'приветствие + вопрос о делах', например, *Ciao, come stai?* 'Привет, как дела?' *Come va?* 'Как поживаешь?' и другие представляет собой десемантизированный вопрос о делах, не направленный на получение фактуальной информации и провоцирующий такой же десемантизированный ответ: *Si, tutto a posto/ tutto bene* 'Да, все в порядке/ все хорошо'. Часто ответ, соответствующий ожиданиям адресанта, задается уже в вопросе: *Ciao, come stai? Tutto bene?* Данная модель является высоко ритуализованной и не предполагает дальнейшего развития диалога. Можно утверждать, что вопрос о делах выступает частью этикетного приветствия как реализация стратегии вежливости и используется между малознакомыми людьми или людьми, не настроенными на пролонгацию контакта.

б) Высококонвенциональным способом установления контакта является использование таких этикетных клише, как *ciao* 'привет', *salve* 'привет', *buon giorno* 'добрый день', *buona sera* 'добрый вечер'. С точки зрения семантической реализации, данные приветствия можно разделить на приветствия с имплицитно и эксплицитно выраженным значением. Так, имплицитные приветственные формулы *ciao* и *salve* являются десемантизированными ритуальными клише. Этимологически *ciao* обозначает

‘раб, слуга’, то есть значение данного приветствия можно интерпретировать как “К Вашим услугам” или “Ваш покорный слуга”, в котором установление контакта происходит посредством самоуничтожения в пользу собеседника. В глубинной же семантике формулы *salve* заключается ‘пожелание здоровья’. Семантика приветствий *buon giorno*, *buona sera* эксплицитно выражает ‘пожелание добра’ с референцией к определенному времени суток. Таким образом, все рассматриваемые этикетные формулы, за исключением *ciao*, реализуют значение благопожелания. Традиционно *ciao* считается узуальным приветствием в неофициальной обстановке при общении между людьми с равным социальным и коммуникативным статусом. *Salve*, *buon giorno* и *buona sera* в соответствии с этикетом должны использоваться в официальных ситуациях либо в процессе общения носителей различного социального статуса. Однако в реальных ситуациях общения данные этикетные клише в равной степени используются как в симметричных, так и в ассиметричных ситуациях общения, независимо от статуса коммуникантов, что, на наш взгляд, является следствием идеологии демократизации, господствующей сегодня в западно-европейском обществе. Выступая как средство сокращения дистантности общения, эти формулы облегчают достижение согласованного речевого взаимодействия.

в) Модель ‘приветствие-клише + обращение’ выполняет социально-дифференцирующую функцию. Наше исследование позволяет утверждать, что этноспецифической особенностью итальянской лингвокультуры является употребление в формуле приветствия апеллятива, маркирующего профессионально-статусную принадлежность адресанта. Заметим, что такая формула используется только в отношении лиц, имеющих высшее образование, например: *Buon giorno, ingegnere/ avvocato* ‘Добрый день, инженер/ адвокат’. Таким образом подчеркивается уважительное отношение к слушающему и эксплицируется социальная субординация.

Широко употребительными в модели ‘приветствие-клише + обращение’ являются обращения-комплименты, в семантике которых заложено понятие ‘красота’: *Ciao, bello(a)/ belloscio(a)/ bellissima/ bellino(a)/ stupenda* ‘Привет, красотка (красавчик)/ привлекательный(ая)/ прекрасная/ миленький(ая)/ потрясающая’ и так далее. Использование такой формулы также представляется специфической характеристикой итальянской лингвокультуры, так как обращения-комплименты широко применяются как в отношении мужчин, так и в отношении женщин. Еще одним типом наиболее часто используемых в приветствии обращений является личное имя адресата: *Ciao, Fabio*. Персонификация ритуала верифицирует отсутствие дистантности в общении и способствует упрочению уже существующего контакта.

г) Модель ‘приветствие + вопрос с референцией к непосредственной ситуации’ является наиболее эффективным способом инициации психологического контакта: *Ciao, anche tu qua questa sera?* ‘Привет, ты тоже здесь сегодня вечером?’ *Ciao, ti stai divertendo?* ‘Привет, тебе весело?’ *È una bella festa, vero?* ‘Прекрасная вечеринка, не правда ли?’ и другие. Выбор этих формул приветствия обусловлен настроением адресанта на дальнейший диалог и иницирует условия для его продолжения. Такой вопрос является стимулом, предполагающим более развернутую реакцию, чем использование узуального клише. Апеллируя к непосредственной ситуации общения и лично к адресанту как компоненту этой ситуации, говорящий уже на инициальной стадии обеспечивает сокращение межличностной дистанции и, как следствие, достижение психологического контакта.

Рассмотрев основные модели установления контакта, можно заключить, что речевые акты приветствия выступают не только как этикетные клише, реализующие стратегию вежливости, но и как эффективный способ установления первоначального контакта с собеседником, что создает условия для дальнейшей согласованной речевой интеракции.

Концепт МОРЕ в «Лузиадах» Камозенса

Сафронова Анна Александровна

Студентка Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова,
Москва, Россия

Целью нашей работы явился семантико-когнитивный анализ реализаций концепта МОРЕ на материале текста эпической поэмы Камозенса “Лузиады”. Нашей задачей было через сочетаемость существительного *mar* и его контекстных синонимов выявить актуализированные в тексте концептуальные признаки.

Исследователи “Лузиад” относят к препятствиям Васко де Гама в достижении его основной цели – открытии морского пути в Индию – неблагоприятные морские стихии, наряду с вражескими силами кастильцев и мавров [Votregana: 20]. Таким образом, сама структура поэмы дает морю отрицательную характеристику.

Поскольку море враждебно настроено к мореплавателям, в тексте даются разные обозначения беспокойного моря: яростное - *mar irado, iroso*; безумное - *insanos mares*; хищное - *mar fero, ferocidade do mar*; непостоянное - *mar instábil*; бурное - *mar bravo, mares procelosos, undoso, águas crespas*. Встречаем следующие указания на опасность моря: *horrendo mar, mares temerosos, as perigosas coisas do mar, duvidoso mar, mar incerto*. Однако, есть сила, которая защищает мореплавателей от врагов, моря, штормов – опасностей одного ряда, – это Провиденье. Моряки знают, что, преодолевая опасности на своем пути, открывают новые земли.

Бурному противопоставлено море благожелательно настроенное. О спокойном море, *tranquilo mar*, говорится в пожелании доброго пути, которое сбывается: при возвращении Васко де Гама домой море действительно безмятежно, *sereno mar*. Таким образом, только на обратном пути в Лиссабон корабли не встречали сопротивления морских стихий.

Особенно ярким разнообразием представлены словосочетания с семантикой ‘плыть по морю’. Самыми часто встречающимися глаголами являются *navegar* (10 раз) и *cortar mar* (9 раз). Кроме указанных, употребляются и другие: *correr, passar por, andar por, ir nadando, atravessar, caminhar, descer por, fazer novas vias, prosseguir por, tomar a conquista do mar, alongar-se por, arar*.

Выделим группу глаголов, характеризующих нахождение в море как испытание: ‘бросать вызов морю’ – *cometer, tentar o mar*; ‘попытать удачи в море’ - *aventurar-se ao mar*; ‘претерпевать безумный гнев моря’ - *experimentar a fúria dos mares*.

Пути, по которым плавают корабли, зовутся дорогами: *caminhos longos do mar, caminhos húmidos vias marítimas* (встречается 15 раз). Для обозначения открытия новых морских путей используются глаголы *abrir, deixar sabido*. Неведомые моря уподобляются невспаханному полю: “*Por mares nunca doutro lenho arados*” (VII, 30:7). Кроме того, оно уподобляется помещению, которое недоступно, пока не откроется дверь: “*Abrindo a porta ao vasto mar patente, / Que com tão forte peito navegais*” (X, 38:3-4).

Отношения между мореплавателями и морем сопернические, и об этом прямо говорится в тексте поэмы: “*Colo mar um tempo andamos em porfias,*” (V, 66:5).

Кроме описаний состояния моря, в поэме встречаются физические характеристики моря: глубокое, *profundo*; широкое, *grande*; огромное, *ingente*; просторное, открытое – *largo*; соленое, *salgado, salso*; горькое, *amaro*. Что касается описания цвета моря, то в поэме ни разу не употребляются привычные эпитеты *azul* и *verde*. Оно черных оттенков, *negro*, его воды сравниваются с серебром в метонимиях *salso argento, vias húmidas de argento*.

Физические характеристики моря служат основами для перифрастических обозначений моря в поэме: ‘водное царство’, “*úmido reino*” (VI, 7:7), “водный элемент”, “*úmido elemento*” (V, 42:2; X, 35:8), “солёный господин”, “*Ganges vem ao salgado senhorio*” (X, 120:8), “солёный Нептун”, “*salgado Neptuno*” (IV, 84:4).

Соотношение море – суша является одной из семантических осей повествования. Слова *mar* и *água* встречаются в тексте 316 раз, слова *terra* и *costa* – 314 раз. Количество упоминаний других стихий, огня и воздуха, значительно меньше.

Отношения между сушей и морем агрессивные. Нарушение предсказуемой формы в двухмерной плоскости одной стихии (заливы, косы) – посягательство на участок, потенциально принадлежащий морю (если это коса) или земле (если это залив). При обозначении данных отношений используются те же глаголы, что и для обозначения действий копать, резать. Еще более выражено это в примерах с глаголами *confrontar*, *combater*.

К указанному соотношению море-суша добавляется уподобление кос и заливов частям тела одушевленного моря или суши. Так, например, залив – это лоно моря: (“*A terra de Cambaia vê, riquíssima, / Onde do mar o seio faz entrada*”, X, 106:5-6).

Реки отчасти принадлежат суше и поэтому противопоставлены соленым водам океана. Единственные положительные характеристики воды мы встречаем только по отношению к рекам, в частности к священному Гангу и к реке Тежу, вдохновляющей поэта.

Море в поэме уподобляется живому организму. Оно стонет от падающих в него стрел, брызги от якоря уподобляются крови: *da âncora o mar ferido*. Море звучит гулким голосом, который описывается глаголами *bramir*, *bradar*, *soar*.

Одушевленное, море может действовать. Оно покоряется португальским морякам и Лиссабону - *obedece o mar a Lisboa* – и показывает им острова: “*Quando o mar descobrindo lhe mostrava / Novas ilhas, que em torno cerca e lava*” (I, 43:2-8).

Слово “море” может выступать в тексте как метонимия волн; земель, которые встречаются морякам на пути (“*...quase todo o mar têm destruído / Com roubos, com incêndios violentos; I, 79:3-4*”); земель, которые оно омывает (“*De todo o Roxo mar mais florescia*”, VIII, 3-2); мореплаванию вообще (“*O filho, que no mar será ilustrado*”, X, 26:3).

В результате анализа сочетаемости слова *mar* мы выявили ряд концептуальных признаков и образов, составляющих содержание концепта МОРЕ и реализованных в поэме Камозэнса “Лузиады”.

Литература

Borregana A.A. Os Lusíadas de Luís de Camões : o texto em análise. Lisboa, 1998.